

усилий от исполнителя. Оказание при этом какой-либо услуги данному лицу (даже абсолютно законной) имеет определенные психологические последствия. Лицо, оказавшее услугу другому человеку по традиционным нормам, имеет определенные ожидания на ответную услугу со стороны того, кому эта помощь оказана, в результате чего формируется так называемый феномен Франклина, связанный с тем, что, оказав услугу человеку, мы начинаем проникаться к нему большей симпатией.

При этом в качестве психологического приема может применяться метод уступки, когда просьба высказывается о чем-то большем, но при озвученном отказе, ее объем значительно уменьшается. В результате чего при повторном озвучивании произнести слова отказа, для человека к которому обратились с просьбой, становится сложнее в силу нежелания предстать в негативном свете, отвергнув незначительных размеров просьбу. В результате чего, сделав для человека что-либо единожды, повторная помощь вызывает для человека все меньше и меньше отторжения, а делать ее становится все легче и легче.

В связи с особой актуальностью рассматриваемой проблематики профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов должна включать формирование компетенций, направленных на комплексное противодействие использованию в отношении их методик манипулятивного общения. Понимание методов построения коммуникации позволяет лицам, вовлеченным в процесс общения с манипулятором, существенным образом повысить эффективность взаимодействия, избежать ошибок и негативных последствий коммуникации.

Список использованных источников

1. Баукин, А.В. Манипулирование сознанием: опыт социально-философского анализа : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А.В. Баукин. – М., 2007. – 370 л.
2. Грачев, Г. Манипулирование личностью / Г. Грачев, И. Мельник. – М. : Алгоритм, 1999. – 162 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Зелинский, С.А. Способы манипулирования психическим сознанием человека / С.А. Зелинский. – СПб. : Скифия, 2008. – 248 с.
5. Кандыба, В.М. Речевые психотехники / В.М. Кандыба. – М. : Лань, 2002. – 382 с.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2003. – 832 с.
7. Панкратов, В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация / В.Н. Панкратов. – М. : Изд-во ин-та психиатрии, 2000. – 190 с.
8. Сидоренко, Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е.В. Сидоренко. – М. : Речь. – 256 с.

9. Соснин, В.А. Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения / В.А. Соснин, П.А. Лунев. – М. : Изд. центр «Акад.» ; Ин-т психологии РАН, 1996. – 220 с.

10. Шостром, Э. Анти-Карнеги или человек манипулятор / Э. Шостром ; пер. с англ. А.М. Малышевой. – М. : ТПЦ «Полифакт», 1992. – 128 с.

Дата поступления в редакцию: 24.06.2022

УДК 811.161.1.276.45

В.Л. Голубев

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА ВОРОВСКОГО АРГО

Рассматриваются вопросы возникновения, существования арго воровских сообществ, тенденции его развития, лингвистические и психологические аспекты воровской речи.

Ключевые слова: воровское арго, тайна языка, магия воровской речи, специфика воровской речи, семантика и морфология социально-корпоративного арго, воровской язык жестов, экспансия воровского слова.

V.L. Golubev

A MODERN PICTURE OF THIEVES' SLANG

The issues of the emergence and existence of Argo of thieves communities, trends in its development, linguistic and psychological aspects of thieves' language are considered here.

Keywords: thieves' Argo, secret of language, the magic of thieves' language, the specifics of thieves' language, semantics and morphology of social-corporate slang, thieves sign language, expansion of thieves word.

Арго (фр. argot) – это речь определенных социально замкнутых групп, одной из которых является воровская среда, т. е. среда воров-профессионалов, среда деклассированных элементов.

Первые сведения о бытовании этой речи в Европе относятся к концу XV–XVI вв. Возникающие города, наполнение их разоряющимся крестьянством создали благоприятные условия для формирования групп и небольших сообществ по интересам, которые не совпадали с законными интересами граждан и даже характеризовались враждебным отношением к нормальному обществу. Воровская среда вписалась в легальное общество, опираясь на его противоречия и позарилась на институт «свя-

щенной» частной собственности. Именно в этой, кастово замкнутой, среде возникли воровская идеология и речь.

Сравнивая лексику современного аргю с условными языками, имеющими более длительный срок существования, можно сделать вывод о том, что большая часть отвлеченных понятий в аргю обозначается словами, заимствованными из этих языков.

Многонациональность преступного мира, возникшая в процессе развития и выделения различных «воровских» специальностей, привела к проникновению в общеворовское аргю тюркизмов (туфта, башли), цыганизмов (тырить, хавать), семитизмов (шмон, гамура, гомэра), территориальных диалектизмов и заимствований из языков – доминант данного региона – белорусизмов, украинизмов («одесский язык», «портовый язык»), полонизмов и др.

Одним из важных в исследовании воровского аргю является вопрос об условном и тайном его характере. В современной литературе или признается искусственность, надуманность, тайный смысл зашифрованности речи, или рассматривается естественный эволюционный путь ее возникновения и развития. С одной стороны, воровская речь позволяет соблюдать конспирацию, отличать «своих» от «чужих». На блатном языке принято говорить между «своими» без посторонних. С другой стороны, воровской говор может выдать вора и разоблачить предпринимаемое им действие. В-третьих, состояние общества в настоящее время таково, что часть воровского сообщества нагло демонстрирует свою принадлежность к нему, «гордится этим» и руководствуется принципом «Не пойман – не вор» [1].

Воровская речь насыщена словами и выражениями, которые лишь слегка видоизменяют обычное русское значение. Смысл большинства этих слов понятен, поэтому назвать аргю «засекречиванием» в полном смысле нельзя.

В последние два-три десятилетия воровская лексика наполнилась многочисленными жаргонизмами, сокращенными и двусмысленными инозаимствованиями, новым образным смыслом, соответствующим реалиям нынешней действительности. Поэтому часть воровского аргю делается менее понятной для посторонних: калан-пешина (тройная ставка), калхат (сотрудник милиции), рейс (предупреждение), съянцы (покерные карты), тиг (нож), шмаер (пистолет), эйгер (замок), эрзац-песок (соль) и т. п.

Социально-корпоративная лексика воровского мира, представленная в распространяемых с помощью компьютеров словарях, насчитывает от 7,5 тыс. и более словесных единиц. Поэтому делать вывод о тайном характере воровского аргю некорректно.

Следует отметить, что все-таки в воровской среде существуют тайные, условные языки, которые создаются для тайных переговоров накануне планирования «воровских предприятий». Этот язык редко выходит за пределы шайки и редко живет более нескольких месяцев. Такой язык носит название «маяка». В принципе – это его шифр [2].

Блатной язык для вора так же естественен, как любой другой профессиональный сленг.

Изобличенные в преступлениях воры на допросах прибегают к тактике запирательства, не дают никаких сведений о воровской среде, ее быте, языке. И это обстоятельство не обязывает нас думать о воровской речи как тайной.

Если сравнивать семантику русской воровской речи и воровской речи в европейских странах, то складывается впечатление о стереотипности, ибо в основе многих воровских понятий лежат одни и те же представления, эмоциональная окраска, совпадение мышления, однотипность словообразования.

Перечисленные факторы соответствуют понятиям «примитивизм», «первобытность». Ведь в воровской среде первобытная ментальность проявляется во враждебном отношении к тем, кто не вор, «охотничьи» приемы деятельности, бродячая жизнь, огромная роль личных качеств и «естественных условий» для своей деятельности, общее потребление и т. п.

Воровская среда живет традициями, обычаями. Воры склонны принимать чужую установку, они психически несамостоятельны, поведение их носит инфантильные формы. В воровской среде бесчисленное количество правил, норм, понятий о «приличии». Существует сложная иерархия подчинения. Воровской суд жестко карает нарушителей своего кодекса поведения. За внешней распушенностью воров скрываются предусматривающие все, вплоть до мелочей, правила поведения, коллективные представления [3].

Отличием воровского мышления является суеверное отношение к своему делу, так как оно подвержено всяким случайностям и риску. Воры верят в сны, приметы, предзнаменования, гадания, в том числе на картах (штос). Плохие приметы – повод отказаться от предстоящего дела. Игра в карты превратилась в своеобразный культ. Фартовых картежников (даже шулеров) охотно принимают в воровскую шайку, в надежде, что шайке подфартит.

Говоря о воровском аргю, следует также заострить внимание на магии его слова. Выступая своеобразным инструментом, орудием воров, слова прежде всего должны вызывать эффект у окружающих. Воровские слова – сигналы в виде коротких выкриков («ша», «дербажить», «калякай»,

«стрёмь», «не кипятаться», «не каркай», «разбредуха», «тырь», «расхлись» и т. д.) – стереотипны на большом географическом пространстве и одновременно призывают или приказывают совершать определенное действие. Достаточно примитивно указать на ситуацию, чтобы характер был ясен. Воровское слово не способно раскрыть какое-либо новое содержание, оно лишь указывает на конкретный факт [4].

Воровские слова – сигналы распространяются в воровской среде и имеют место только при развитых коллективных представлениях, при стереотипных нормах поведения и реакциях воров. Малейшее нарушение «правил» воровского сообщества может привести к расшатыванию всего языкового склада этой среды.

Несмотря на связь воровского образа жизнедеятельности с современностью, все же существует подсознательная вера в силу, которая воздействует на различные предметы, явления. Вера в приметы является достаточно прочной.

Делая свою роль действенной, представители воровской среды буквально пересыпают ее нецензурной лексикой, носящей откровенно эротико-порнографический и циничный характер. Подобная брань ни к кому не обращена, она просто подкрепляет или заменяет воровское слово. Но если она направлена на сотоварищей, то воспринимается как унижение и оскорбление, которое может закончиться кровавой развязкой.

Скрытая вера в магическую силу слова содержится в воровской клятве («божба»), к которой воры прибегают довольно часто: «не забуду мать родную», «лягавым буду», «сука буду, не забуду» и др.

Магия слова, расчет на публику придают вору необходимые внутренние силы для риска.

Еще одним словесно-речевым проявлением стали повествования воров о своих подвигах-проделках. В этой бытовой ситуации не важна правда, истинность не играет никакой роли. Разрешается врать, жульничать, играя в карты. Останавливать и изобличать рассказчика во лжи считается оскорблением, нарушением «блатного достоинства». Возражать возможно только тем, у кого «рыльце в пушку» [5].

В качестве наказания за неудачное возражение может быть изгнание из своей среды или запрет на хвастовство. Ведь хвастать – значит укреплять самообладание, уверенность, внутренние силы, закреплять свою силу над подчиненной шайкой: «сизу на нарах, как король на именинах».

Подобное хвастовство характерно для песен и фольклора, которые распространяются и в сети Интернет. Они часто выступают фоном времяпрепровождения преступных элементов, где постоянной атмосферой

являются употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры, разврат. Предпочитается довольно громкая музыкальная какофония, чтобы стимулировать беспричинное возбуждение и агрессию или снимать эмоциональное напряжение. Вора по душе тюремно-воровская и блатная песенная лирика, жаргонная лексика, отражающая их «систему ценностей». В ходу у них романтическая поэтизация воровской и тюремной жизни, в которой делается попытка морального оправдания и философского обоснования преступного поведения персонажа, в тексте он описан как хороший человек, совершивший преступление под давлением внешних обстоятельств или случайно, несправедливо осужденный и несчастный. Воры, преступники, матерые уголовники предстают в текстах мужественными, благородными героями или невинными жертвами чужой подлости. Подобные тексты представителей воровского сообщества бодрят и укрепляют преступное сознание.

Культом слова, придающий ему магический характер, проявляется в кличке, которую принимают раз и навсегда. Кличка – необходимый атрибут вхождения в воровскую среду. Преступник татуирует кличку или ее символ на своем теле и не убирает ее даже тогда, когда она становится известной даже правоохранительным органам. В кличке заключается своеобразная гордость, воровская «честь». Кличка – предмет бережного охранения. Большинство кличек отражает какие-либо достоинства их носителя. Иногда в наказание за воровство утверждается кличка, которая «ставит крест» в карьере на сложной лестнице преступной иерархии.

В основе преступного мировоззрения лежит представление о двух враждебных началах: «свое» и «чужое», «урки» и «мурки». И слова преступный элемент также делит на «свои» и «не свои». Свои для себя, а слова, вышедшие из воровской среды в общий обиход, перестают быть своими («босс», «валюта», «дать маху», «железно», «иметь зуб», «мясо-рубка», «лох», «майдан», «повесить лапшу на уши», «фраер» и др.).

Воровская речь должна выделять из массы людей «своего». Употребление «не своих» слов считается зазорным.

Таким образом, в воровской речи просматриваются элементы примитивизма, магии, суеверия.

С одной стороны, речь создает вору атмосферу приподнятости, пафосности, доказательство его принадлежности к сообществу подобных, с другой – заставляет его быть осторожным, носит отпугивающий, устрашающий, циничный характер.

В чем специфика воровской речи как магической? Пожалуй, в экспрессивно-эмоциональной насыщенности. Вор схож с человеком ранних эпох тем, что его психика не позволяет отделять возникновение идеи от

возникновения чувств и эмоций. Он с трудом подавляет импульсы, потому его речь носит импульсивный характер. Между моментом рождения эмоции и произнесения слова почти нет временного промежутка. Именно перенесение эмоционального отношения к предмету на слово позволяет выделить в эмоционально-экспрессивной функции речи сущность магии, т. е. отождествление в сознании говорящего предмета и слова, его обозначающего.

В отличие от эмоционально-экспрессивной функции речи – интеллектуальная основана на строгом разделении слова и предмета. Следует отметить, что эмоционально-экспрессивная функция характерна для речи тех групп, которые тесно не связаны с промышленным производством, управлением, а наоборот, чей воровской успех зависит от удачи, случая, ловкости, изворотливости.

Вульгаризация речи неприятно поражает каждого человека. В качестве примера приведем несколько образчиков эмоциональной речи представителей этой среды: «шевелить рогами» (вмешиваться в чужие дела; действовать незаконно), «забить стрёму» (находиться в состоянии готовности к действиям; готовность к охране соучастников во время преступления), «кашлянуть на мобилу» (позвонить, сообщить), «бить понты» (притворяться; возвышать себя в глазах окружающих), «поднять кипиш» (драка, шум, скандал, вечеринка), «грузить лоха» (надуть глупого, потерпевшего, рассеянного человека).

Многие слова воровской речи носят «метафорический» смысл и больше воздействуют на эмоции, чем на разум.

Воровской социально-корпоративный словарь включает в себя всю воровскую идеологию, все коллективные представления и коллективные эмоции. Не зная точно употребления и смысла воровских слов, нельзя не только завоевать себе «место под солнцем», но и добиться расположения к себе, получить признание.

Не приходится говорить также о разнообразии эмоций воровской речи. Доминируют в основном две эмоции: положительная и отрицательная.

Воровская речь эмоционально приподнята и даже патетична. В ней преступник чувствует себя героем.

В некоторых случаях, чтобы выразить презрение к «шпане», воровская речь употребляется для снижения значения, вульгаризации.

Значительная часть воровского лексикона попадает в иную среду, например, в молодежную, армейскую, милицескую и другую, здесь к воровскому слову относятся несерьезно, с озорством, слово теряет приподнято-блатной смысл, как бы растрчивает свою силу. Приходится обращаться к языкотворческой миссии экспрессивной тенденции,

чтобы создать новые слова и вернуть им утраченную мощь, иногда добавляя хлесткости.

Активная лексика профессионального преступника составляет 200–300 слов. Понимает он, конечно, значительно больше. Многие слова живут недолго и только лишь некоторые выживают и являются лексическим ядром.

Говоря о морфологических признаках арга, следует принимать во внимание, что ряд речевых образований выступают как междометия, часть слов почти не склоняются, некоторые существительные употребляются только в именительном падеже единственного или множественного числа, распространены вспомогательные глаголы («заговаривать зубы» вместо сбивать с толку; «иллюзию качать» вместо слова «небылица»; «сделать побег» вместо бежать и т. д.). Чаще всего «вспомогательными глаголами» являются «дать», «делать», «держать», «брать», «взять», «качать» и некоторые другие.

О воровском арге невозможно рассуждать вне связи с невербальным языком – языком жестов. Он как «тайный» язык возник, вероятнее всего, в тюрьмах в целях передачи информации через окно на расстояние. Передаются или буквы, или целые слова, по примеру моряков или глухонемых. Этот способ переговоров называется «маяком» или «светом».

Вор боится произнести лишнее, боится выдать себя, боится произнести запретные слова – табу, речь напряжена. Поэтому жест приходит на помощь, как разрешение этого напряжения. Нельзя вслух называть такие слова, как пистолет, кража, стрелять, грабить и др. Пальцами руки, ладонями, движениями рук, постукиваниями, корпусом тела делаются намеки на действия, которые необходимо выполнить в указанных обстоятельствах.

Все это означает, что жест есть мускульно-моторное восприятие слов, связанное с запретом на некоторые слова и фразы. Он снимает напряжение и свидетельствует о близости и неразличимости в сознании преступников слов и предметов, слов и действий.

Таким образом, единого воровского языка не существует в силу отсутствия многочисленных взаимосвязей, характеристик, истоков, тенденций, характерных для обычного языка человеческого общения. Кроме того, воровская среда не знает единой языковой системы. Можно лишь вести речь о некоей узкой части или тенденции в бытовании всего народного языка. Арга воровского сообщества примитивно и свидетельствует лишь о «внутреннем прогрессе», а в целом же оно в сопоставлении с языковыми тенденциями развития общества регрессирует.

Об этом говорят такие явления, как консерватизм, магическое сознание носителей арго, языковой примитивизм, патология языка, и в целом данное явление имеет исключительно отрицательное значение.

Важно также упомянуть о необычайной экспансии воровского слова за пределы собственной среды. К сожалению, воровское арго звучит со сцены, экранов телевизоров, в такси, в устах молодежи. Даже сотрудники органов внутренних дел смешали свой профессиональный сленг с воровским арго. Наша задача – интенсифицировать процесс отставания чистоты речи правоохранителей, исчезновения арготизмов из их лексики.

Список использованных источников

1. Голубев, В.Л. Риторика: речевой потенциал сотрудника органов внутренних дел : практ. пособие / В.Л. Голубев, О.В. Бурибо ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 299 с.
2. Лихачев, Д. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР ; Ин-т языка и мышления им. Н.Я. Марра, 1935. – С. 47–100.
3. Щербакова, О.И. Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников : учеб. пособие / О.И. Щербакова, Е.Г. Бруева. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1994. – 210 с.
4. Грачев, М.А. Блатной жаргон в повседневной речи / М.А. Грачев // Наука и жизнь. – 2008–2009.
5. Грачев, М.А. Аффiliation / М.А. Грачев // Рус. речь. – 2020. – № 1. – С. 91–101.

Дата поступления в редакцию: 13.01.2022

УДК 005.32(075.8)

Н.А. Дубинко

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются вопросы эффективности управленческой деятельности, проанализированы методологические подходы к определению управленческого труда, выявлены концептуальные понятия по исследуемой проблеме. Применение экспериментального игрового моделирования позволило проанализировать компетенции руководителей в области самоорганизации деятельности, выявить оптимальную структуру информационного взаимодействия руководителя, определить содержание видов управленческих действий, выявить оптимальность временных затрат на выполнение различных видов работ.

Ключевые слова: управленческая деятельность, самоорганизация, управленческие действия, информационное воздействие, информационный барьер.

N.A. Dubinko

SELF-ORGANIZATION AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT ACTIVITIES

The article discusses the issues of the effectiveness of managerial activity, analyzes methodological approaches to the definition of managerial work, identifies conceptual concepts on the problem under study. The use of experimental game modeling made it possible to analyze the competencies of managers in the field of self-organization of activities, to identify the optimal structure of information interaction of the head, to determine the content of types of managerial actions, to identify the optimality of time spent on performing various types of work.

Keywords: managerial activity, self-organization, managerial actions, information impact, information barrier.

Совершенствование процесса государственного управления предполагает в первую очередь самосовершенствование носителя управленческой власти. Психология управления как наука входит в систему психологического знания и в систему управленческого знания, находится на их стыке. Первоочередной проблемой психологии управления является познание и прогнозирование психологического состояния объекта управления с точки зрения его управляемости, определение психологического состояния субъекта управления, его всесторонняя психологическая характеристика [1, 4, 6].

Целью управленческой деятельности является обеспечение эффективного функционирования определенной организационной системы, принадлежащей к особому социотехническому типу систем. Социотехнические системы качественно разнородны по составу своих компонентов, но, как минимум, включают «технологическую» и «человеческую» составляющие, поэтому труд руководителя, с одной стороны, направлен на обеспечение технологического процесса, а с другой – на организацию межличностных взаимодействий своих подчиненных [2, 5].

Самоорганизация работы руководителя включает такие компоненты, как *обработка информации, умение планировать собственное время, установление приоритетов решаемых задач, правильное распределение своих усилий* [3, 7, 8]. В целом обозначенные проблемы констатируют возникшую необходимость изучения компетенции руководителя по самоорганизации собственной деятельности. Для достижения поставленной цели были разработаны методические рекомендации по органи-